

Л.С. Шкурат

Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
398020 г. Липецк, Российская Федерация

Тема родины в миниатюрах А.И. Солженицына и Ю.В. Бондарева

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение своеобразия осмысления одной из центральных тем русской литературы – темы родины – в миниатюрах А.И. Солженицына и Ю.В. Бондарева. Основные методы исследования – сравнительно-исторический и структурно-типологический. В связи с анализом миниатюр Солженицына и Бондарева акцентируется внимание учителей-словесников на ключевых особенностях миниатюры как жанра, намечаются главные направления анализа миниатюр этих писателей на уроке литературы в школе, выявляются точки идейно-смыслового соприкосновения и отталкивания в осмыслении темы родины в миниатюрах Солженицына и Бондарева. Анализ миниатюр Солженицына позволяет обозначить их смысловые и эмоциональные доминанты. Это восхищение красотой русской природы, которое рождает у героев миниатюр ощущение счастья, гармонии и единства с миром; любовь и неразрывная связь с родиной; тревога писателя о ее судьбе; укор современникам, которые участвуют в разрушении старины; вера в духовное возрождение России. Герои миниатюр Бондарева также поражены богатством и разнообразием красоты родной природы, с болью в душе наблюдают за разрушением исторических и культурных памятников прошлого. Но, в отличие от героев Солженицына, они чувствуют в этом личную вину и ответственность за будущее родины. Таким образом, патриотическая идея, боль за судьбу родины, вера в духовное обновление и преображение русской жизни находят яркое воплощение в миниатюрах и концептуально сближают позиции Солженицына и Бондарева. Свои надежды на спасение Отечества оба писателя связывают с его возвращением к традиционной системе ценностей Русского Мира.

Ключевые слова: А.И. Солженицын, Ю.В. Бондарев, миниатюра, тема родины в русской литературе, патриотизм, судьба России

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Шкурат Л.С. Тема родины в миниатюрах А.И. Солженицына и Ю.В. Бондарева // Литература в школе. 2020. № 2. С. 40–49. DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-40-49

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-40-49

L.S. ShkuratLipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University,
Lipetsk, 398020, Russian Federation

The theme of the Motherland in the short stories of A.I. Solzhenitsyn and Yu.V. Bondarev

Abstract. The purpose of this article is to examine the originality of understanding one of the central themes of the Russian literature – the theme of the Motherland – in the short stories of A.I. Solzhenitsyn and Yu.V. Bondarev. The main research methods are comparative-historical and structural-typological. In connection with the analysis of short stories of Solzhenitsyn's and Bondarev's the article emphasizes the key features of the short stories as a genre, defines the main directions of the analysis of the short stories of these writers in school classes of Literature, identifies the points of ideological and conceptual relation and repulsion in the perception of the theme of the Motherland in the short stories of Solzhenitsyn's and Bondarev's. The analysis of Solzhenitsyn's short stories allows us to identify their semantic and emotional dominants. This is the admiration for the beauty of the Russian nature, which gives the heroes of short stories a sense of happiness, harmony and unity with the world; love and an indissoluble connection with the Motherland; the writer's anxiety about her destiny; reproach to the contemporaries who participate in the destruction of the old days; faith in the spiritual revival of Russia. Bondarev's characters are also amazed by the richness and diversity of the beauty of their native nature, and they watch the destruction of historical and cultural monuments of the past with a heavy heart. But, unlike Solzhenitsyn's characters, they feel their personal guilt and responsibility for the future of their Motherland. Thus, the patriotic idea, the pain for the fate of the Motherland, the belief in the spiritual renewal and transformation of the Russian life are vividly embodied in the short stories and conceptually bring together the positions of Solzhenitsyn's and Bondarev's. Both writers associate their hopes for saving the Motherland with her return to the traditional system of values of the Russian World.

Keywords: A.I. Solzhenitsyn, Yu.V. Bondarev, short story, the theme of the Motherland in the Russian literature, patriotism, destiny of Russia

CITATION: Shkurat L.S. The theme of the Motherland in the short stories of A.I. Solzhenitsyn and Yu.V. Bondarev. *Literature at School*. 2020. No. 2. Pp. 40–49. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2020-2-40-49

А.И. Солженицын и Ю.В. Бондарев, бесспорные мастера крупной жанровой формы – романа, практически одновременно обратились к «самому авторскому, самому личному жанру в литературе» [5, с. 323] – миниатюре¹. При кажущейся внешней легкости создание миниатюры предъявляет серьезные требования к мастерству писателя, так как в выборе этого жанра проявляется стремление, желание, умение автора насытить предельно малый объем значительным содержанием, которое, подчиняясь требованиям формы, концентрируется, сгущается, уплотняется. По признанию Бондарева, «жанр миниатюры предельно дисциплинирует мышление писателя, требует особой строгости в отборе материала, меры в его наполнении и художественном исполнении» [11, с. 19].

Художественное осмысление действительности представлено в миниатюрах Солженицына и Бондарева в форме открытого, личного разговора с читателем, в котором писате-

ли нередко приоткрывают сокровенные глубины своих мыслей и чувств, делятся тем, отчего «щемит их сердце неотступной тревогой, волнением» [4, с. 39]. «Почти молниеносная, синхронно образующаяся слиянность, неотторжимая обоюдность миниатюр обладает особенным эмоционально-интеллектуальным воздействием» [3, с. 394], в свою очередь, требует и от читателя больших эмоциональных и мыслительных затрат, поэтому учителю-словеснику необходимо формировать у школьников культуру вдумчивого чтения миниатюры, умело, с расстановкой необходимых акцентов, направлять эмоционально-мыслительную активность юных читателей.

Центральной и в «крохотках» Солженицына, и в «мгновениях» Бондарева является тема родины. Впрочем, это одна из генерализующих тем всей русской литературы. Однако у каждого писателя она имеет свои нюансы. Несмотря на обширную библиографию, включающую разноаспектные исследования творчества Солженицына и Бондарева, ни в одной работе до настоящего времени не представлен анализ миниатюр этих писателей в сравнительно-сопоставительном плане, не обозначены точки соприкосновения и отталкивания в осмыслении темы родины в «крохотках» Солженицына и «мгновениях» Бондарева. В нашей статье мы попытались не только восполнить этот существенный пробел, но и наметить основные направления анализа миниатюр Солженицына и Бондарева на уроке литературы в школе.

«Нельзя не почувствовать, – пишет Л.А. Колобаева, – что какими-то кровными и интимными нитями «крохотки» Солженицына связаны с родной

¹ В данной статье в связи с анализом миниатюр Солженицына и Бондарева мы, безусловно, акцентируем внимание учителей-словесников на ключевых особенностях жанра миниатюры, однако целью специального рассмотрения миниатюры как жанра мы не задаемся, поскольку это уже сделано в целом ряде работ. См.: *Георгиевский А.С.* Русская проза малых форм последней трети XX века: духовный поиск, поэтика, творческие индивидуальности: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004; *Огнев А.В.* Прозаическая миниатюра как жанр // *Проблемы литературных жанров.* Томск, 1975; *Орлицкий Ю.Б.* Стих и проза в русской литературе: Очерки истории и теории. Воронеж, 1991; *Сердобинцева Г.М.* Современная художественная социально-философская проза (рассказ, лирико-философская миниатюра). М., 1986; *Смирин И.А.* Миниатюра в системе малых жанров прозы // *Проблемы типологии литературного процесса.* Пермь, 1981; *Кандарпа Д.* Циклы миниатюр в современной прозе о деревне (Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Солоухин): дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.

землей» [4, с. 39]. Примечательно, что все миниатюры были созданы Солженицыным на родине: первая часть написана в 1958–1960 гг., а вторая – в 1996–1999 гг., по возвращении автора в Россию. Писатель говорил: «Только вернувшись в Россию, я оказался способен снова их писать, там – не мог» [8, с. 99] (выделено А.И. Солженицыным. – Л.Ш.). Мысль о неразрывной связи человека с отчим домом в аллегорической форме звучит, к примеру, в миниатюре Солженицына «Костер и муравьи». В ней автор-повествователь испытывает чувство восхищения самоотверженностью муравьев, которых «какая-то сила влекла» к сгорающему в костре родному бревнышку. Любовь к родине сильнее страха смерти – такова финальная сентенция этой миниатюры.

Любовь к родине неразрывно связана в «крохотках» с любовью к русской природе. Чувство красоты родной земли возникает у героев Солженицына в большей степени изнутри, идет от повышенной обостренности их восприятий. Так, путешествующему по есенинским местам солженицынскому герою («На родине Есенина») лишь постепенно приоткрывается вся прелесть этого «задумчивого края»: «Я выхожу на окский косогор, смотрю вдаль и дивлюсь: неужели об этой далекой темной полоске хворостовского леса можно было так сказать:

На бору со звонами плачут глухари...?

И об этих луговых петлях спокойной Оки:

Скирды солнца в водах лонных...?»

[9, с. 289]

Цветущая яблоня, источающие «сладкий дух» травы, «напоенный

цветением, сыростью, свежестью» [Там же, с. 281] воздух («Дыхание») и даже радующийся первому снегу пес («Шарик») вызывают у героя ощущение счастья, рождающегося от благодарной причастности к родной земле.

Остановимся более подробно на описании озера Сегден из одноименной миниатюры Солженицына:

«Сегденское озеро – круглое, как циркулем вырезанное. Если крикнешь с одного берега <...> – до другого только эхо размытое дойдет. Обомкнуто озеро прибрежным лесом. Лес ровен, дерево в дерево, не уступит ни ствола. Вышедшему к воде, видна тебе вся окружность замкнутого берега: где желтая полоска песка, где серый камышок ощетинился, где зеленая мурава легла. Вода ровная-ровная, гладкая без ряби, кой-где у берега в ряске, а то прозрачная белая – и белое дно.

Замкнутая вода. Замкнутый лес. Озеро в небо смотрит, небо – в озеро. И есть ли еще что на земле – неведомо, поверх леса – не видно. А если что и есть – оно сюда не нужно, лишнее» [Там же, с. 282].

В этом природоописании ощутимо близкое к народному представление о красоте как о чем-то круглом, снимающем все острые углы, ровном и гладком. Особенно важно, что пейзажная зарисовка в миниатюре «Озеро Сегден» простирается не только вширь, вдаль, но и ввысь, улавливает нерасторжимую связь земли (озера) и неба: «Озеро в небо смотрит, небо – в озеро». По меткому наблюдению Л.А. Колобаевой, в этой миниатюре «взор художника охватывает картину мира как целостность, что свойственно национальному русскому духу в его высших устремлениях»

[4, с. 41]. Солженицыну оказывает органически близка именно такая красота, подобное ее понимание: «Вот тут бы и поселиться навсегда... Тут душа, как воздух дрожащий, между водой и небом струилась бы, и текли бы чистые глубокие мысли. <...> Озеро пустынное. Милое озеро. Родина...» [9, с. 282].

Вместе с тем миниатюру «Озеро Сегден» наполняют и иные эмоции: радость созерцания красоты природы омрачается в ней чувством авторской тревоги. К озеру «заложены все дороги <...>, как к волшебному замку; над всеми дорогами висит знак запретный, простая немая черточка» [Там же, с. 281]. Так в произведении встает вопрос о свободе и «земной власти», которая, подобно «лютому князю, злодею косоглазому» из страшной сказки, присвоила себе красоту, сделав ее недоступной другим людям: «Там, за лесами, горбит и тянет вся окружающая область. А сюда, чтоб никто не мешал им, – закрыты дороги, здесь рыбу и дичь разводят особо для них» [Там же, с. 282]. Это написано Солженицыным в конце 50-х годов XX века, когда вопрос о свободе и «земной власти», ее отнимающей, был для автора самым жгучим. Заметим, что во многих «крохотках», созданных в этот период, особенно обнажены волнующие писателя социальные темы. Например, уже упоминавшаяся нами миниатюра «На родине Есенина» завершается фразой о красоте родной природы, которую «тысячу лет топчут и не замечают» [Там же, с. 290].

Миниатюра «Путешествуя вдоль Оки» открывается, как и «Озеро Сегден», прекрасной картиной русской природы, которая немислима без красоты духовной, небесной, зем-

ными аналогами которой являются у Солженицына православные храмы: «Пройдя проселками Средней России, начинаешь понимать, в чем ключ умиротворяющего русского пейзажа.

Он – в церквях. Взбежавшие на пригорки, взошедшие на холмы, царевнами белыми и красными вышедшие к широким рекам, колокольнями стройными, точеными, резными поднявшиеся над соломенной и тесовой повседневностью – они издали издали кивают друг другу, они из сел разобщенных, друг другу невидимых, поднимаются к единому небу» [Там же, с. 292]. И где бы ни был человек: в поле, в лугах или даже «вдали от всякого жилья», – он чувствует себя частицей этого соборного целого. «Никогда ты не один, – пишет Солженицын, – поверх лесной стены, стогов наметанных и самой земной округлости всегда манит тебя маковка колоколенки то из Борок Ловецких, то из Любичей, то из Гавриловского» [Там же, с. 292].

Вторая часть миниатюры резко контрастна по отношению к первой. При более пристальном взгляде автору-повествователю открывается другая картина: «Тыходишь в село и узнаешь, что не живые – убитые приветствовали тебя издали. Кресты давно сшиблены или искривлены; ободранный купол зияет острым поржавевших ребер; растет бурьян на крышах и в расщелинах стен; редко еще сохранилось кладбище вокруг церкви; а то свалены и его кресты, выворочены могилы; заалтарные образы смыты дождями десятилетий» [Там же, с. 293]. Царящее повсюду запустение связано вовсе не с тем, что жители давно покинули эти места. Рассказчик замечает трактор, разворачивающийся на паперти,

грузовик, въехавший в дверь притвора, а в самой церкви – работающие станки. «Ковыряй, Витька, долбай, не жалея! Кино будет в шесть, танцы в восемь...» [9, с. 293] – этой режущей слух фразой, диссонансной картине умиротворяющего пейзажа в начале повествования, заканчивается миниатюра. Чувство тревоги, которое испытывал писатель в миниатюре «Озеро Сегден», усиливается и сменяется в миниатюре «Путешествия вдоль Оки» прямым авторским укором современникам, допустившим разрушение старины, а подчас и принимавшим активное участие в надругательстве над многовековыми хранителями русской православной культуры, что воспринимается Солженицыным не иначе как варварство.

О проблеме разрушения, уничтожения малых городов и деревень, составляющих единый образ прекрасной, великой многострадальной России, размышляет Солженицын и в миниатюре «Колокольня». Восемь веков простоял шумный торговый город Калязин, «переживший разорения жестокие и от татар, и от поляков», а в двадцатом веке на две трети утопленный в Волге не иноземцами, а «невежественной волей самодурных властителей», потому что «поскудились большевики» поставить плотину [Там же, с. 577]. Описывая затопленный город, автор создает печальную атмосферу запустения и безысходности: «израненные, грустные улочки», «полузамерший, переломленный, недобитый город» [Там же, с. 578].

«Какое это мучительное чувство: испытывать позор за свою Родину. В чьих Она равнодушных или скользких руках, безмыслие или корыстно правящих Ее жизнь. В каких заноч-

счивых, или коварных, или стертых лицах видится Она миру. Какое тленное пойло вливают Ей вместо здоровой духовной пищи. До какого разора и нищеты доведена народная жизнь, не в силах взяться.

Унизительное чувство, неотстанное» [Там же, с. 579], – говорит Солженицын в миниатюре «Позор», созданной на пороге XXI века.

Однако не на этой ноте писатель завершает свои думы о судьбе родины. В миниатюре «Колокольня» впечатление времени, уходящего в бесконечность, создается введением в нее образов-топосов града Китежа и Атлантиды, бесследно исчезнувших, но оставивших нетленную память о себе. Так и в «полуутопленном» Калязине стоит «высокостройная колокольня». Образ колокольни с чудом уцелевшим на ее маковке крестом становится в восприятии героя миниатюры символом его надежды на спасение Руси от духовной катастрофы: «Ведь стоит колокольня! Как наша надежда. Как наша молитва: нет, всю Русь до конца не попустит Господь утопить...» [Там же, с. 578]. Поддержку своим надеждам писатель находит не только в историческом прошлом России, но и в живых голосах современности, прежде всего в тех «щедродушных, родных людях», которых Солженицын увидел и принял сердцем в первую свою встречу с Россией, после возвращения на родину:

«Листаешь, листаешь глубь нашей истории, ищешь ободрения в образцах. Но и знаешь неумолимую правду: бывало и вовсе гибли народы земные. Это – бывало. Нет, другая глубь – той четверть-сотни областей, где побывал я, – вот та дышит мне надеждой: там видел и чистоту помыслов, и неубитый

поиск, и живых, щедродушных, родных людей. Неужель не прорвут они эту черту обреченности? Прорвут! – еще в силах» [9, с. 579]. Солженицын сохраняет веру в духовный потенциал русского народа, способного с помощью Божией возродить Россию, вернуть ей былое величие. Не случайно последняя миниатюра в цикле «Крохотки» – это «Молитва о России», молитва ко Господу не покинуть «многострадную Россиюшку», не дать ей «загинуть, погрузиться во тьму».

Итак, смысловые и эмоциональные доминанты «крохоток» можно пунктирно обозначить следующим образом: восхищение красотой русской природы – любовь и кровная, неразрывная связь с родиной – тревога писателя о ее судьбе – укор современникам-разрушителям старины – вера в духовное возрождение России.

Мысли о родине не покидают и героев книги Бондарева «Мгновения», которую И. Савельев образно назвал «романом писательской души» [6, с. 22]. Где бы ни находились бондаревские герои: в поражающем «пестротой жизни» многомиллионном Париже («Париж, воскресенье»), в «домашнем», тихом городке Арнхем («Город Арнхем, 100 км от Амстердама») или в Венеции, где все «необычно, радушно» («Венеция»), – они вспоминают о малой родине, о ее неповторимых и дорогих сердцу звуках и запахах («Утро»), о «заросших липами замоскворецких переулках» [1, с. 95], где прошли их детские и юношеские годы, и испытывают желание поскорее вернуться в родные места.

Персонажи «мгновений» не перестают удивляться богатству и разнообразию красоты русской природы, что, например, находит яркое вопло-

щение в поэтике миниатюры «Золотой дождь». Гуляя по осеннему саду «среди знакомой с детства милой драгоценной желтизны», кажущейся поначалу единообразным «сплошным золотым ковром», герой миниатюры вдруг замечает на земле «листья тонкого, нежно-лимонного оттенка, будто занесенные сюда из солнечных южных краев», рядом с ними – «призрачно-розовые таинственные веера заморской Японии; черные ритуальные лопаточки жаркого Востока; тусклое серебро древних монет, которое цеплялось за лиловые осколки старинных ваз. А в лужице сбоку скамейки в середине привычного золота – коричневые каравелообразные пришельцы из колумбийских времен» [Там же, с. 566]. Ассоциативная палитра представленной в произведении картины природы расширяется, и поразившее героя неожиданное открытие наводит его на размышления о неисчерпаемости, многоликости благолепия мира и одновременно рождает чувство личной ответственности за сохранение его в первозданном виде.

По словам Ю.И. Сохрякова, «когда человек начинает ощущать себя частью природы, Божьего мира, когда он начинает осознавать свою ответственность за судьбу этого мира, именно тогда он становится личностью, то есть духовным существом» [10, с. 23]. В миниатюре «Золотой дождь» чувство ответственности выражено в одном образе-жесте: сидя на скамейке «в каком-то колдовском очаровании» и «по-детски разглядывая на ладони листья», герой не испытывает желания разрушить их красоту, «сжать осеннюю листву в пальцах», услышав ее предсмертный хруст [1, с. 566].

Идейно-смысловое соприкосновение «крохоток» и «мгновений» проявляется и в том, что Бондарев, как и Солженицын, с болью в душе наблюдает за разрушением старины. Эта боль особенно явственна в миниатюре «В Коломне». Приехав в Коломну, герой-рассказчик и его друг-художник попадают в удивительный мир патриархального русского городка, любят его старинными улочками, дворянскими особняками, виднеющимися вдалеке куполами храма. Отдельные черты увиденного в коломенском дворике возвращают героя в родное Замоскворечье. Одновременно с этим он замечает детали, указывающие на начавшееся разрушение этого дорогого с детства пространства: церковь «полуразрушена», стены особняка «облупились», его балкон «развалился», дверь сарая «с заржавленными запорами» «почернела от времени», а у лежащей во дворе лодки «прогнило днище» [1, с. 249] и т.п. Рассказчик с грустью вспоминает о своем ушедшем детстве и испытывает какую-то труднообъяснимую тоску от всего того, что видит вокруг. А уходя из коломенского дворика, он «боялся оглянуться, чувствуя, что может некстати и беспричинно разрыдаться» [Там же, с. 251]. В конце миниатюры он вопрошает: «Может быть, все русское на этом кончилось?.. За что и зачем?» [Там же, с. 251]. На завершающие произведение вопросы должен ответить не только его герой, они обращены и к читателю, которого заставляют задуматься о многом: о человеческой жизни и быстроте происходящих в ней изменений, о процессах разрушения и созидания, о памяти сердца и в конечном счете о самом себе. Таким образом, в миниатюре «В Коломне», «реальное» время и про-

странство оказываются значительно короче художественного, кроме того, они незамкнуты, так как финал произведения открыт.

Рассуждая о жанровых особенностях миниатюры, И.А. Смирин подчеркивал: «Хронтоп миниатюры проявляет тенденцию к сужению, к сжатию до одномоментности, до масштабов точки, то есть время и пространство внутреннего мира миниатюры становятся в идеале неопределенными, нефиксированными, универсальными» [7, с. 121]. Во многих миниатюрах Бондарева мы наблюдаем подобное движение авторской мысли от конкретного (отдельного эпизода, ситуации, встречи и т.п.) к масштабным обобщениям, целостному, синтетическому осмыслению жизни во всех ее проявлениях. Бондаревские герои кровно связаны не только с малой родиной – Замоскворечьем, которое является частицей родины – России, русской цивилизации, но и со всей планетой. Однако, в отличие от героев Солженицына, они чувствуют собственную вину в тех страшных потрясениях, которые способны поставить на грань уничтожения саму жизнь на Земле. Бондарев сравнивает разрушительное воздействие человека на природу с непрекращающимися «военными атаками», истребляющими все вокруг и превращающими Землю в выжженную пустыню: «Как бы мечом и огнем уничтожаются в нашей стране леса, донельзя загрязняются пресноводные озера (ценнейшая питьевая вода), отравляются реки, пойменные луга затапливаются, и поля загнивают, зарастают, издают мертвенный запах разложения; мелиораторы кое-где осушают болота, в то же время рядом зарастают кустарником еще недавно

плодородные пашни, брошенные на произвол судьбы» [2, с. 12].

При этом писатель и герои его миниатюр занимают позицию «совестливого достоинства» и упорно ищут ответ на вопрос: «Где спасение?» Суть авторской точки зрения заключается в следующем: Бондарев, как и Солженицын, не отрицает, что в российской действительности «нарушилось равновесие между небом и землей» [1, с. 292] и многое оказалось «изломано, исковеркано, сознание иных одурманено и опустошено» [2, с. 32], однако он считает такое положение вещей временным явлением, добавляя при этом: «Но Бог милостив, еще не повреждена полностью душа нации» [Там же, с. 37], а значит, «рано надевать на Россию предсмертный терновый венок» [1, с. 349].

«И все-таки Земля держится» – такое название имеет одна из миниатюр Бондарева. Это выражение «и все-таки», смысловая нагрузка которого свидетельствует о сохраняющейся у писателя надежде на духовное обновление русской жизни, нередко можно встретить в миниатюрах и публицистических статьях Бондарева. Например, в миниатюре «Придет время святого беспокойства» прозаик так говорит о судьбе Отечества и его будущем: «И все-таки в благословенные минуты надежды <...> я вижу возрожденную мою Россию <...>, вижу ее в неустанном упорстве обретения былой силы, свободы, одухотворенности и некичливого величия» [Там же, с. 681]. Эта идея концеп-

туально сближает позиции Бондарева и Солженицына, которые уверены, что преодоление духовного кризиса и грядущее возрождение России возможны только при условии опоры на традиционную систему ценностей Русского Мира, немыслимого без Православия, ставшего стержнем нашей национальной самобытности. Закономерно, что в поэтике «крохоток» и «мгновений» особое место занимает образ православного храма (собора, монастыря, колокольни), который является символическим лейтмотивом, наполненным многозвучными смысловыми оттенками. Это и хранитель прошлого, и символ объединяющего людей, умиротворяющего духа, и духовный оплот для находящихся в поиске Истины героев миниатюр, которые в православном храме возрастают душой и очищаются, приобщаясь к великому и тайному.

Таким образом, при всей самобытности «крохоток» и «мгновений» произведения Солженицына и Бондарева достаточно близки в идейно-художественном плане. Главными «точками соприкосновения» в размышлениях двух писателей являются патриотическая идея, боль за судьбу Отечества. Отзываясь на самые животрепещущие, болезненные проблемы современного мира, и Солженицын, и Бондарев верят в духовные возможности русского народа, который, вернувшись к православным ценностям, сможет найти выход из кризиса, поразившего нашу страну на рубеже XX–XXI веков.

Библиографический список

1. Бондарев Ю.В. Мгновения. М., 2009.
2. Бондарев Ю.В. Публицистика. Мгновения. М., 2008.
3. Идашкин Ю.В. Юрий Бондарев. М., 1987.
4. Колобаева Л.А. «Крохотки» // Литературное обозрение. 1999. № 1. С. 39–44.

5. Коробов В.И. Юрий Бондарев: Страницы жизни, страницы творчества. М., 1984.
6. Савельев И. Нетающий горячий снег // Слово. 2009. № 1. С. 10–30.
7. Смирин И.А. Миниатюра в системе малых жанров прозы // Проблемы типологии литературного процесса. Пермь, 1981. С. 114–122.
8. Солженицын А.И. Крохотки // Новый мир. 1997. № 1. С. 99–100.
9. Солженицын А.И. Рассказы. М., 2004.
10. Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX веков. М., 2000.
11. Шкурат Л.С. Художественная концепция жизни, смерти и бессмертия в миниатюрах Ю.В. Бондарева // Литература в школе. 2017. № 4. С. 18–22.

References

1. Bondarev Yu.V. Mgnoveniya [Moments]. Moscow, 2009. (In Russ.)
2. Bondarev Yu.V. Publicistika. Mgnoveniya [Publicism. Moments]. Moscow, 2008. (In Russ.)
3. Idashkin Yu.V. Yuriy Bondarev [Yuri Bondarev]. Moscow, 1987. (In Russ.)
4. Kolobaeva L.A. «Krohotki». *Literaturnoe obozrenie*. 1999. No. 1. Pp. 39–44. (In Russ.)
5. Korobov V.I. Yuriy Bondarev: Stranicy zhizni, stranicy tvorchestva [Yuri Bondarev: Pages of life, pages of works]. Moscow, 1984. (In Russ.)
6. Savelyev I. Unmelting hot snow. *Slovo*. 2009. No. 1. Pp. 10–30. (In Russ.)
7. Smirin I.A. Miniature in the system of small prose genres. *Problemy' tipologii literaturnogo processa*. Perm, 1981. Pp. 114–122. (In Russ.)
8. Solzhenitsyn A.I. Krohotki. *Novy mir*. 1997. No. 1. Pp. 99–100. (In Russ.)
9. Solzhenitsyn A.I. Rasskazy' [The stories]. Moscow, 2004. (In Russ.)
10. Sohryakov Yu.I. Nacional'naya ideya v otechestvennoj publicistike XIX – nachala XX vekov [National idea in the native publicism of the 19th – early 20th centuries]. Moscow, 2000. (In Russ.)
11. Shkurat L.S. The artistic concept of life, death and immortality in miniatures by Yu.V. Bondarev. *Literature at School*. 2017. No. 4. Pp. 18–22. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.01.2020, принята к публикации 25.02.2020
The article was received on 20.01.2020, accepted for publication 25.02.2020

Сведения об авторе / About the author

Шкурат Лилия Сергеевна – кандидат филологических наук; доцент кафедры русского языка как иностранного, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

Lilia S. Shkurat – PhD in Philology; Assistant Professor at the Department of Russian as a foreign language, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

E-mail: sh.lilia.s@yandex.ru